

Власенко Дмитрий

Охота на Гитлера

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Власенко

Охота на Гитлера

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Власенко Д. Ю.

Охота на Гитлера / Д. Ю. Власенко — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Советский разведчик-нелегал Александр Шнайдер должен организовать покушение на Гитлера. Беда в том, что большую часть времени он играет роль полковника СС. В результате Шнайдер иногда и сам не понимает, кто он: русский или немец, фашист или коммунист, демагог или идеалист. Шнайдер надеется, что он сможет уничтожить фюрера при помощи секретаря Гитлера, молодого лейтенанта Зельца. Но получить эту помощь будет нелегко: Зельц совсем не горит желанием убивать своего шефа. Содержит нецензурную брань.

© Власенко Д. Ю., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Первый обед с фюрером	6
Шнайдер + Бауэр = любовь	12
Здравствуйте, герр Зельц, я – советский шпион	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Охота на Гитлера

Первый обед с фюрером

Лейтенант Кристоф Зельц вошел в столовую следом за Борманом и неуверенно огляделся. Комната была суровой и мрачной, как и все в этом доме. На серых стенах висели патриотические полотна: присяга Гитлерюгенда, фюрер в гордом и решительном одиночестве на фоне гор и облаков, парад в честь победы над Францией, Фюрер и Муссолини осматривают линкор «Тирпиц».

Посреди комнаты стоял дубовый стол, накрытый на семь персон. Зельц посмотрел в дальний угол и увидел там глубокое кресло и маленький журнальный столик из красного дерева. В кресле с задумчивым видом сидел Гитлер, а рядом с ним прилегла его верная овчарка Blondi.

– Мой фюрер... – осторожно сказал Борман.

– Мой фюрер! – раздался из-за дверей радостный голос Геббельса. – Позвольте, позвольте! – вертлявый, как мартышка, министр проскочил в комнату, – Разрешите вручить вам этот скромный подарок от нашего отделения наглядной пропаганды.

Геббельс в пару прыжков подскочил к Гитлеру и презентовал ему медный бюстик фюрера (совсем небольшой, размером с кулак). Гитлер, кажется, обрадовался: косая улыбка перечеркнула его лицо, обнажив плохие зубы.

– Вы знаете, друг мой, – сказал он негромко, – что в некоторых домах было принято коллекционировать фарфоровых слонов? Якобы это приносит счастье. Скоро благодаря вашим подаркам у меня скопится неплохая коллекция моих изображений. Посмотрим, принесут ли они счастье мне, – Гитлер сделал приглашающий жест, – садитесь за стол.

Все приглашенные, уже давно томившиеся в коридоре, стали быстро заходить в комнату. Обедали сегодня в узком кругу: кроме Бормана и Геббельса была еще жена Геббельса, Шпеер с женой и Гиммлер. Еще в дверях они радостно приветствовали Гитлера и быстро шли занимать свое место за столом. Все были очень довольны, что Гитлер заставил их ждать только полчаса. То, что в простом человеке назовут хамством и невежливостью, в руководителе называют величием.

Зельц внимательно посмотрел на вилку сидящего рядом Бормана. На золотой ручке явственно была выгравирована свастика и аббревиатура RK (Reichs-Küche – кухня Рейха). На дне тарелки тоже была золотая свастика, и на ножах и ложках – тоже. Зельц украдкой взглянул на скатерть – так и есть, в углу была вышита все та же свастика.

– Ешьте, – скомандовал Гитлер.

Сняли крышку с супницы, и по комнате растеся нежный запах спаржи. Живот у Зельца вдруг громко забурился.

– Прошу прощения, – сконфузился Зельц.

– Вы что, саксонца привели? – поинтересовался тихо Шпеер у Бормана.

– Это стенографист Зельц, – пренебрежительно махнул рукой Борман.

Зельц покраснел еще больше от такого пренебрежения. Уж сколько раз он встречался в Берлине с этим чванливым высокомерием, но все никак не мог к нему привыкнуть. Можно подумать, что если человек из Саксонии, то он уже и не немец! Тоже мне, столичные штучки! Борман сам из Харца, а туда же! И вообще, мне двадцать четыре, а тебе почти пятьдесят, подумал Зельц, так что ты умрешь раньше. К тому же я выше тебя и умнее.

– Надеюсь, сегодня пожиратели трупов животных не присутствуют? – спросил Гитлер. – Как всегда, мы едим только растительную пищу.

Пока прислуга разливала суп по тарелкам, Гитлер и гости молчали. Зельц протер быстро очки и приготовился записывать: Борман требовал конспектировать каждое слово фюрера. Коротко кивнув всем присутствующим, Гитлер заговорил о любви.

– Большевистская пропаганда говорит, что я не люблю людей. Я их люблю. Если бы я не любил их, я давно уже ушел работать в какой-нибудь собачий питомник. Но моя любовь не слепа. Как отец любит и наказывает своих детей из любви, так и я наказываю тех, кто не слушает меня и не делает того, чего от него хочет природа.

Я не говорю сейчас об извращенцах, сумасшедших, цыганах или жидобольшевиках. Я говорю о простых людях, которые вынуждены в эти трудные дни нести на своих плечах все тяготы войны. Это тяжелый груз, я знаю. Но кто сказал, что наказание должно быть легким?

Вы спросите, за что наказан немецкий народ? А кто предал нас тогда, в восемнадцатом году? Кто были те люди, которые радовались развалу рейха? Кто были те мерзавцы, которые плевали вслед нам, защитникам Родины? Кто опозорил и предал все, за что мы четыре года воевали со всем миром: с Францией, с Британией, с Россией, с Америкой? Кто это были, я вас спрашиваю? Чешские алкаши? Французские шлюхи? Английские бобби? Нет, это были наши, родные и любимые бюргеры, любители пива, сосисок и кислой капусты. Соль нашей земли, кровь нашего народа – вот кто были эти мерзавцы.

– Но были же и другие, – возразила мягко фрау Геббельс. – Были и настоящие патриоты. Вот, например, моя подруга фрау Габи...

Дальше Зельц уже не слушал, в его обязанности не входило записывать длинные женские истории супруги министра пропаганды.

"Хорошо было сейчас пива с сосисками выпить, – подумал он, глядя как фюрер, вытянув губы трубочкой, втягивает в себя жидкий овощной супчик. – И вообще, как бы я хотел сейчас прийти домой, раздеться, и прилечь на диване с бутылкой пивка и "Швейком". Ну почему я должен слушать всю эту муть?"

Фюрер доел суп и сосредоточенно перемалывал кривыми зубами корку хлеба. Вдруг он дернулся, словно кто-то дал ему оплеуху, и нервно воскликнул:

– В Германии не было патриотов! Сколько лет разные шелудивые твари смеялись над нами, загоняли нас в подполье, считали нас полоумными маргиналами? Так пусть они знают теперь: то, что происходит с ними – это плата за их грехи, это очистительный огонь, в котором сгорят грязь и слизь демократии, вернув их к вечному национальному характеру: диктатуре и величию немецкой расы.

Суп закончился, принесли белые грибы с клецками.

– Очистительный пожар, пылающий на востоке, закалит нас; в нем, как в кузнечном горне, куется великий стальной Рейх! Вы видите теперь, как я был прав тогда, в сорок первом, когда напал на сухорукого мясника Сталина? Если бы мы не опередили его – уже в сорок втором нас бы всех отправили в сибирские лагеря.

Гитлер попробовал грибы и одобрительно кивнул, на усах застыла коричневая капля соуса.

– Я давно говорил Муссолини – не доверяй славянам. Это недонация. Профессор Дрезденского университета Штефан Бронау показал, что русские гораздо ближе к обезьянам, чем к людям. Средний рост русского – сто пятьдесят сантиметров – это всего на три сантиметра выше, чем рост орангутанга, если поставить его на задние лапы. Возьмите зад любого славянина – он краснее и имеет больше морщин, чем зад европеоида. Да, да, от сорока до девяносто шести морщин – не меньше.

– Не может быть! – изумилась фрау Геббельс.

– Представьте себе, – ответил Гитлер. – Причем, как показывают исследования профессора Бронау, очень глубоких и извилистых морщин. А вот извилин в мозгу у русских, наоборот, в полтора-два раза меньше. Также русский зад весит в полтора раза больше европейского, то есть почти столько же, сколько весит зад орангутанга. Мозг же русских несколько легче, чем мозг европейцев и намного легче, чем мозг арийцев. Также профессор Бронау выяснил, что

стандартная высота лба у русских – два-три пальца, в то время как у арийцев – четыре-десять. Кстати, герр Борман, у вас низкий лоб! Вы случаем, не русский?

Все присутствующие громко засмеялись над удачной шуткой фюрера, фрау Геббельс даже прослезилась от смеха и быстрым движением промокнула салфеткой уголок глаза.

– Причем высота лба у жидобольшевиков была еще ниже, чем у обычных русских. Один-максимум два пальца. По этому признаку их легко определяют в концлагерях и сразу же отправляют в печь.

– Как просто! – восхитилась фрау Геббельс.

– Еще наши биологи обратили внимание, что русские едят очень много трупов животных. Вы скажете мне, что и немцы едят много мяса. Но немцы едят свиней, грязных и жирных свиней, которые больше ни на что не способны, и ни для чего другого не предназначены природой. А кого едят русские? Они убивают лошадей и собак, этих прекрасных милых животных. В своей поездке по лагерям Мордовии фон Кох лично наблюдал, как заключенные украли и съели огромную кавказскую овчарку у начальника лагеря. Безумные подонки, – Гитлер в сердцах отбросил прядь со лба. – Убивать собак ради мяса – хуже, чем убивать родную мать.

– Ужасно, – поморщился Шпеер.

– Есть у русских привычка к чему-то мелкому, подлому, низкому. И одновременно это очень наглый народ, вы заметили? Страна рабов. А что такое раб? Это, конечно, самая зависимая и самая гадкая тварь, которую можно себе представить. Глист, паразит – сдохни ты завтра, а я сегодня. Посмотрите, что сделали эти мерзавцы с нашей почвой? Лучшие, жирнейшие, чернейшие земли попушением божьим достались этим обезьянам. И что же они сотворили с ней? То же, что сделали бы любые безумные обезьяны: загадили все, что смогли загадить, перебили всю рыбу в реках и всех животных в лесах, а после этого сдохли с голоду. Мои турецкие друзья жаловались мне, что рыбаки регулярно вылавливают в Черном море трупы крестьян и рабочих, замученных большевиками. И все это в потоке мочи и кала, плывущего от советского черноморского берега.

– Потрясающая метафора! – воскликнул Геббельс. – Краснозадые большевики в желтом потоке – это сильная картинка. Жаль, что у нас пока только черно-белое кино, получился бы мощнейший пропагандистский фильм.

– Кстати, мой фюрер, – заметил Борман, – я только что побывал на съемках...

"Может, в воскресенье в кино пойдешь? – подумал Зельц. – Одному скучно. Познакомиться бы с кем-нибудь. Уже два месяца в столице, а до сих пор живу, как в пустыне. Надо бы не забыть письмо матушке послать. И постирать надо, а то уже носки закончились. Терпеть не могу работать в воскресенье. У всей страны выходной, а ты паши, как проститутка в борделе".

– О чем я только что говорил? – спросил Гитлер, раздраженно отодвигая тарелку. – А, русские. Мы должны освободить европейскую землю от этих вонючек. Вы заметили, как русские воняют? Особенно мужчины! Особенно! – подчеркнул Гитлер. – Есть какой-то вонючий обезьяний ген, свойственный только этим животным. Фон Кох говорил, что обычный русский лагерь воняет, как огромный обезьянник. Мы должны выкинуть их за Уральские горы, пусть смердят вместе с китайцами и прочими азиатами. А чтобы вонь не несло в нашу сторону, мы выстроим вдоль границы огромные вентиляторы, и направим их в сторону востока. Пусть эти макаки вдыхают свежий западный ветер – мне не жалко.

Общество снова засмеялось меткой шутке фюрера. Принесли чай, обед плавно подходил к концу.

– Еще хочу сказать про русских женщин. Когда я жил в Вене, некоторые австрийцы на полном серьезе уверяли меня, что русские женщины красивее немецких. Конечно, даже они признавали, что обычный русский мужчина уродливее арийца во сто крат, но почему-то им все-таки казалось, что славянкам якобы присуща особая красота. На самом деле все славяне одинаково уродливы, что в штанах, что в юбке.

– И даже без юбки, – поддакнул Геббельс.

– Без юбки они просто мерзки, – заметила фрау Геббельс.

– Отвратительны, – кивнул Гитлер. – Обычная немецкая хозяйка занимается детьми, ходит в церковь, готовит вкусную еду. Чем же занимается советская большевичка? Она сдает своего ребенка в детский сад, а сама отправляется на завод, где в шуме и вони стоит круглые сутки у станка и конвейера. Удивительно ли после этого, что она больше похожа на огромную бочку с огурцами, чем на здоровую немецкую женщину?

"Или на жирного Геринга", – подумал Зельц.

– Я видел такие бочки, когда ездил в Шпреевальд, – авторитетно подтвердил Борман.

– Цвет лица славянок смуглый и зеленоватый, – продолжал Гитлер, – не то что румянец на щеках прекрасных немок! А посмотрите на их рыхлые животы! Это же кисель! Это трясущееся желе! Вот у немецких фрау животы плоские, подтянутые, как у античных скульптур. Здоровый немецкий воздух, чистая вода, кровь и почва – вот что делает немецких женщин особенными и жизнерадостными.

Нет, я бы никогда не смог иметь дело с русской женщиной. Чуть было не сказал "лучше уж с макакой", но на самом деле и то, и другое одинаково отвратительно и недостойно нормального мужчины. И все разговоры о "тайне русской женщины" – это полная чушь и белиберда, с таким же успехом можно рассуждать о тайне стула или о тайне садовой лейки.

Гитлер подул на горячий чай в кружке и сделал небольшой глоток. На лбу у него выступила испарина.

– Но все же у русских есть одна тайна, – сказал он интригуяще, – хотя и совсем не там, где вы думаете. Эту тайну первый раз подметил Франко. Я помню, когда он приезжал ко мне в Берлин в далеком тридцать девятом, мы после балета отправились посидеть в пивной "У Хасселя". После второй кружки светлого он сказал мне, что не понимает, откуда у русских страсть к евреям.

– К евреям? – удивленно переспросил Шпеер.

– Да! – Гитлер резко повернулся в его сторону, чуть не сбив правой рукой чайник. – Разве вы не знаете, что русские обожают евреев? У них какая-то совершенное невероятная страсть к ним, граничащая с помешательством. Любой русский, если хочет сделать карьеру в Советии, должен объявить себя евреем. Иначе ему не подняться никогда выше старшего бухгалтера. И вот эта страсть совершенно была непонятна Франко.

– Разве можно объяснить любовь? – наивно спросила фрау Геббельс.

– К жидам – можно, – небрежно бросил ей в ответ Борман.

Гитлер горько усмехнулся и продолжил задумчиво:

– С тех пор прошло пять лет, но я до сих пор помню свой ответ Франко. Я помню, что сказал ему, что русские – отсталая, неразвитая нация, большинство из них не умеют даже читать, не говоря уже о других аспектах культуры. С другой стороны, евреи с их псевдоученостью, мастера разговора, лжи и оболъщения. И вот неразвитый ум славян падает в ловушку еврейской "мудрости".

Гитлер воздел руки, показывая мнимое величие еврейского знания. Гости снова дружно засмеялись.

– Страсть русских к евреям просто поразительна! Помню, старина Риббентроп рассказал мне, как он ехал в русском плацкартном вагоне. За окном тянулись бесконечные темные леса, иногда мелькали покосившиеся деревянные дома, мусор, ржавая техника, в общем, пейзаж разгрома и запустения. Риббентроп заскучал и начал дремать, хотя до ночи было еще порядочно времени. И вдруг пейзажу еврею рядом с ним приспичило помолиться. Тогда он твердым шагом направился в сторону сортира, встал прямо перед сортиром посреди прохода, достал Тору и давай начитывать молитвы. И как вы думаете, что произошло?

– Ему дали по шее? – предположил Геббельс.

– Если бы! – саркастически ответил Гитлер. – Ему даже никто не сделал замечания!

– Не может быть! – изумилась фрау Геббельс.

– Мало того, – продолжал Гитлер, – его еще все обходили его стороной и старались не беспокоить! У бедняги Риббентропа два раза проверили паспорт, билеты, визу, багаж, регистрацию, а этого еврея хоть бы кто попросил подвинуться! Мало того, когда еврей осуществил свою религиозную потребность и гордо вернулся на место, какой-то мальчик подбежал к нему и дал конфетку. Риббентропу не дал, а волосатому бородатому еврею – дал! Вот что это за страна, а?!

– Я думаю, если этот еврей будет жрать конфетки после каждой молитвы, он скоро заработает диабет, – заметил Геббельс, вызвав дружный хохот.

– Когда я рассказал об этом случае Франко, – продолжал Гитлер, – он ответил мне, что в Испании, слава богу, подобное невозможно.

– Еще бы! – воскликнул Геббельс. – Они свою проблему с евреями решили еще во времена инквизиции!

– Франко никак не мог понять, почему все-таки именно евреи смогли покорить русских. Ведь в России были представители европейских народов, носители настоящей культуры, настоящей науки, настоящей мудрости. Немцы, итальянцы, французы, даже финны. Почему же из всего этого русские выбрали самый худший, самый гнусный вариант? Франко не понимал этого.

Гитлер сделал паузу и хитро улыбнулся, заставляя собеседников затаить дыхание в ожидании разгадки.

– Нет, я не расскажу вам, что я ответил Франко, – сказал фюрер. – Подумайте сами на досуге. Идите и думайте! – закончил победоносно Гитлер.

Гости разом встали и, отсалютовав, покинули комнату. Гитлер вышел через угловую дверь в кабинет. Кристоф Зельц и Мартин Борман остались одни, не считая прислуги. Зельц напряженно смотрел на Бормана, ожидая распоряжений партайгеноссе.

– Очень поучительно, – сказал Борман, – надо будет распространить по канцелярии. Пришлите мне стенограмму завтра утром.

– Так точно, – кивнул Зельц.

– Можете поесть, если хотите, – Борман тяжело встал со стула.

Зельц быстро вскочил, подбежал к двери, широко открыл ее перед Борманом и застыл в низком поклоне. Вид у него был немного смешной, но очень почтительный. Борман взглянул на него с благодарностью, подумав что-то вроде: "Эти мальчики спасут Германию". С этой мыслью начальник партийной канцелярии покинул столовую. Он скрылся в коридоре за поворотом, размышляя о юношах, смерти и о своем месте в истории после смерти, но этого Кристоф Зельц так никогда и не узнал. Осторожно, чтобы не рассердилась охрана в коридоре, он закрыл дверь и подошел к столу.

Стул Гитлера был еще теплым, еще стоял стакан с недопитым им чаем, и даже ложка, которой фюрер размешивал сахар в стакане, еще лежала на розовом блюде с золотым ободком. Да, вот буквально пять минут назад он был здесь – вершитель судеб, глава мира, председатель, президент, диктатор, манием своей руки убивающий миллионы, сметающий границы, осушающий реки и разрушающий горы. Да, здесь был он.

Вдруг чья-то рука схватила тарелку Гитлера. Зельц вздрогнул и поднял глаза: перед ним стояла официант, на лице у него не было никаких эмоций. Точно так же он выносил бы заплеваннные грузчиками кружки в мюнхенской пивной, или доил бы коров, или забивал бы свиней.

"Как меня достала эта работа, – подумал Зельц, выходя из комнаты. – Слава богу, на сегодня все закончилось, а послезавтра еще и выходной. Кстати, и зарплату завтра дадут. Точно! – Зельц заулыбался. – Надо будет это дело отметить! Не, более-менее, все нормально, прорвемся. Да и вообще, по сравнению с теми героями Рейха, которые в русских болотах кла-

дут свои руки, ноги, и прочие драгоценные органы на алтарь Священной Войны, я вполне неплохо устроился. Можно даже сказать, что мне сильно повезло!"

До позднего вечера Зельц сидел в кабинете вместе с другими стенографистами, готовя стенограмму обеденной речи Гитлера. Наконец, закончив свой тяжкий труд, Зельц в приподнятом настроении покинул стены нелюбимой рейхсканцелярии, сел на восьмой трамвай и доехал до Гутшмидтштрассе. От остановки Зельц пошел через парк. Он терпеть не мог эту пустынную аллею, посыпанную серым гравием, с голыми шипастыми кустами по сторонам, но по улице пришлось бы идти на пятнадцать минут дольше. В этом парке даже днем редко можно было кого-нибудь встретить, а ночью тут вообще никто не появлялся. Луна на небе светила, как громадная равнодушная бледная рожа, голые деревья выставили свои черные склизкие ветки. Вдалеке шумели машины, но в парке было очень тихо и страшно.

Вдруг Зельц услышал сзади себя шаги. Он обернулся и увидел в ста метрах какой-то черный силуэт, кажется, мужской. На всякий случай он пошел быстрее, и тут же шаги ускорились. Зельц побежал, быстро, как только мог, но тот, кто был сзади, тоже перешел на бег, кто-то большой и страшный, он приближался, из-под ног его летел гравий, он шумно дышал, он был все ближе, ближе...

– О Боже! – судорожно крикнул Зельц.

Он бежал, уворачиваясь от острых, колючих веток, холодный воздух резал ему горло, в бок словно вонзили шило, под печень, почки или что там есть.

– Спасите, – заорал Зельц, спотыкаясь, – спасите!

Он пробежал еще два шага, падая и пытаясь удержать равновесие, но все-таки не удержался и упал вперед. Колени и локти обожгло гравием, очки отлетели на камни. Зельц быстро перевернулся на спину, выставив вперед руки, чтобы защититься, спрятаться, сделать хоть что-нибудь против того, кто бежал за ним. А этот кто-то уже понял, что Зельцу не уйти, и он перешел на шаг: спокойный, неспешный ужасный шаг.

– Нет! – крикнул Зельц отчаянно. – Не надо!

Темный силуэт надвинулся, заслонив свет луны, и в мрачной тишине ночного парка зазвучал угрожающий голос:

– Меня зовут Александр Шнайдер.

Шнайдер + Бауэр = любовь

Полковник СС Александр Шнайдер был сверхчеловеком. Он цитировал страницами Ницше и "Майн Кампф", выиграл в тридцать девятом году чемпионат Берлина по теннису, его переводами Апулея зачитывалась вся канцелярия. Успехи Шнайдера в йоге потрясли: когда он сидел в лотосе, казалось, что сам Будда сошел с небес. После покорения Франции Шнайдер на свое сорокалетие поднялся на Момблан, где нарисовал картину "Утро в горах". Геббельс повесил потом это полотно у себя в гостиной на почетном месте. На каждой вечеринке герр Шнайдер пил, шутил и танцевал за пятерых, и дамы были в восторге от голубоглазого красавца, а на следующее утро полковник был свеж, бодр и готов к новым подвигам во имя Рейха. А уж когда на своем последнем дне рождения Шелленберга он сел за рояль и взял первые аккорды "Песни немцев", все прослезилось, ведь не было в тот момент на свете человека чудесней, чем полковник Александр Шнайдер.

Так же, как и другой, самый главный сверхчеловек, герр Шнайдер не был женат, но сегодня утром у него появилась подружка, фрау Бауэр. Она была среднего роста, слегка полновата, и с очень здоровым цветом лица. Два года назад ее супруг, слесарь шестого разряда Стефан Бауэр, скончался от гнойного аппендицита, но с деньгами после его смерти, слава богу, проблем не возникло. Ее сын Генрих Бауэр, который работал инженером-технологом на Сименсе, перечислял ей треть зарплаты, а когда его призвали на фронт, государство начало выплачивать ей маленькую пенсию. Фрау Бауэр уважали все соседи: она была женщина консервативная, всегда очень аккуратно одетая, с развитым чувством собственного достоинства.

Что могло связать полковника СС и вдову слесаря, сверхчеловека и обычную женщину, любимца муз и простую домохозяйку? Только одна вещь была способна сблизить их: близкое соседство. Шнайдер жил на пятом этаже, а фрау Бауэр на четвертом; долгие годы они кивали друг другу в подъезде, иногда говорили коротко о погоде или об отпуске, пока, наконец, не договорились встретиться у фрау Бауэр в воскресенье, чтобы выпить по кружечке чая и съесть по кусочку творожного пирога.

И вот, сегодня, в воскресенье, когда на дворе стояла нежная молодая весна, воспетая лучшими немецкими поэтами, герр Шнайдер пришел в парадном мундире, с милым букетиком хризантем в руках. Он был галантен и настойчив, умен, весел и обворожителен, этот знак сердец и душ герр Шнайдер. А после второй чашки чая, когда милая беседа, казалось, уже подходила к концу, поскольку было уже близко к половине одиннадцатого, то есть самое приличное время завершить завтрак, да и просто еще масса дел была у фрау Бауэр: постирать, приготовить обед, поесть, погладить, помыть еще раз полы, починить очки, написать открытку сыну на фронт, заштопать блузку, помолиться и лечь спать, так что дел, как видите, была масса и уже пора было бы, действительно, закругляться герру полковнику, но вдруг вместо нескольких теплых прощальных слов герр полковник Шнайдер заявил, что ему очень нравится здесь быть, он бы хотел остаться здесь навсегда, и, мало того, он совершенно уверен, что фрау Бауэр тоже хочется этого.

– Что? – фрау Бауэр удивленно подняла брови.

– Признайтесь себе, – герр Шнайдер взял ее руку в свою, – вы страстно желаете этого.

– Не слишком ли вы самоуверены, герр Шнайдер? – фрау Бауэр решительно отняла руку.

Ее карие глаза гневно сверлили полковника. – Кто дал вам право так обращаться ко мне?

– А почему мне не быть уверенным в себе? – сказал Шнайдер, откровенно (даже, пожалуй, вызываяюще) ответив на ее взгляд. – Что-то не так?

Вдова немного смутилась.

– Прошу меня извинить, – сказала она, – но все-таки я настаиваю на ответе на мой вопрос, почему вы так уверены?

Шнайдер развел руками.

– Правду сказать, я не понимаю вашего вопроса, – сказал он. – Что вы хотите знать?

– Мне казалось, что я спросила вас очень ясно. Почему вы так уверены в себе?

– А что вы имеете в виду под уверенностью в себе? – переспросил герр Шнайдер, желая выиграть несколько секунд.

Вдова недоуменно посмотрела на него.

– Хотя нет, я знаю, что вы имеете в виду. Знаю, – кивнул Шнайдер. – Под уверенностью вы подозреваете нахальство, не правда ли? Это же ужасное нахальство – заявить уважаемой женщине, что мне хочется остаться с ней навсегда. Но вы знаете, это не нахальство. Это – судьба! Мы хорошо понимаем друг друга, мы знаем оба, что могли бы стать счастливы друг с другом.

Фрау Бауэр встала, желая показать, что разговор окончен. Полковник Шнайдер поставил чашку на стол и тоже встал. Скользящим шагом он приблизился к фрау Бауэр и снова взял ее за руку.

– Я думаю, что я говорю с вами так убежденно не потому, что я так уверен в себе, в своей неотразимости или какой-то особенной красоте. Я говорю так твердо потому, что мои слова про счастье – это правда, и я в него верю. То есть, речь идет не обо мне, а о моей вере. Ведь согласитесь: если человек верит в то, что говорит, это чувствуется, и это является самым веским аргументом, который не могут перевесить ни сомнения, ни статистика, ни стеснительность. Моей веры больше, чем горчичное зерно, так что я могу ею двигать горы и останавливать реки.

– Что?

– Прошу прощения, это цитата. Вы знаете, я в юности довольно много читал, обо многом думал, и какие-то вещи постоянно всплывают в голове, когда я говорю с вами. Благодаря вам я возвращаюсь к словам, которые я уже давно забыл.

– Сложно сказать, насколько я польщена.

– Не стоит говорить в данный момент, мы можем заняться чем-нибудь куда более важным.

– Что, что, что? Что вы делаете?..

Но Шнайдер уже увлек фрау Бауэр в альков, где предался с ней неге и безудержному сексу. И при этом они издавали крики. Вопли. Страшные жуткие вопли. Такие, что соседи едва не сошли с ума от зависти и злобы. Ведь перекрытия были фанерные, и гулкое биение кровати о стену отдавалось церковным колоколом в голове фрау Шульц на нижнем этаже. Казалось ей, что мозг ее взрывается и выплескивается из головы от этих глухих ударов, ужасный, непереносимых ударов. Невозможно это, решила она, чтобы какие-то люди устраивали гром и стук по субботам, когда отдыхают люди и желают для себя покоя.

После особо мощного удара сверху фрау Шульц направилась выяснять отношения. Она позвонила – и что же увидела перед собой она, дочка Бисмарка и внучка Лютера? Она узрела скрещенные кости и череп на фуражке, молнию на петлицах, она испугалась черного мундира, она отшатнулась от вороненого блеска пистолета.

– Что вы хотели? – спросил ее строго Шнайдер.

– Я, я... – фрау Шульц растерянно огляделась, ища гневного демона, который принес ее сюда на своих крыльях. Но его не было, он убежал вниз по лестнице и бросился вон из подъезда, под слякоть вечно серого неба.

– Прошу прощения, я, я... – заблеяла фрау Шульц.

– Вы слышали шум и пришли выяснить его причину. Советую вам в таком случае перечитать правила распорядка в нашем доме, вы должны были их получить вместе с контрактом на съем квартиры. Там указано, что временем тишины и покоя в нашем доме является период

с десяти вечера до восьми утра. Поэтому прошу вас отложить ваши замечания до двадцати двух часов. Приятного вам дня!

И снова возобновился звон и стук, и продолжался еще долго, очень долго! Нечеловечески долго! Фрау Шульц, задыхаясь, побежала в ближайшую аптеку за берушами. Аптека была закрыта, и следующая аптека – тоже, но когда она вернулась – стук, слава Богу и фюреру, прекратился.

Шнайдер, усталый и счастливый, курил, лежа в постели. Фрау Бауэр лежала рядом и о чем-то думала, закрыв глаза.

– Как мне хорошо с вами, – сказал ласково Шнайдер. – Вы великолепны.

– Спасибо, – ответила фрау Бауэр, не открывая глаз.

Шнайдер вдруг подумал, что он до сих пор не знает имени своей любовницы.

– Скажите, как вас звала мама в детстве? – спросил он.

– Зачем вам? – фрау Бауэр открыла глаза и удивленно посмотрела на Шнайдера.

– Интересно.

Фрау Бауэр сделала легкое движение бровями и тихо кашлянула, показывая, что вопрос Шнайдера не стоит ответа.

– Отвернитесь, пожалуйста, – попросила она. – Мне нужно одеться.

– Да, прошу прощения, – Шнайдер сел в кровати и отвернулся лицом к окну. На улице, кажется, подмораживало. Вообще весна в этом году была какая-то странная. То вдруг дикая оттепель в феврале, до пятнадцати, а то и восемнадцати градусов, так что некоторые, особо торопливые, уже успели распаковать летние вещи, то вдруг опять заморозки, чуть не минусовая температура.

"Странно, – подумал Шнайдер, – с утра казалось, что будет тепло".

– Хотите еще чая? – спросила фрау Бауэр.

Шнайдер обернулся: фрау Бауэр уже успела облачиться в белый длинный халат и синие тапочки. В промежутке между халатом и тапочками виднелась бледная узкая полоска ноги.

– Если можно.

Шнайдер почувствовал, что дальнейшее лежание в кровати не приветствуется (действительно, сколько можно господину полковнику лежать посреди белого дня в кровати: время утех уже закончилось, пора приниматься за дела). Он затушил сигарету и стал быстро одеваться. Фрау Бауэр аккуратно повесила на стул платье, брошенное Шнайдером на пол в порыве страсти, и ушла на кухню. Шнайдер облачился в мундир, натянул сапоги и окинул взглядом спальню. Видно было, что вдова женщина аккуратная, заботящаяся об уюте: у кровати стояли две тумбочки из темного полированного дерева, обе накрытые одинаковыми белыми салфетками, на обеих стояли одинаковые белые светильники на толстых ножках. На правой тумбочке лежала Библия и томик Гете. Перед кроватью возвышался большой шкаф с зеркальными дверцами. Все было чисто, как в операционной или на военном корабле.

Подумав немного, Шнайдер заправил кровать и открыл форточку, чтобы выветрить запах сигарет. Пепельницу он принес в гостиную.

– Ваш чай, – сказала хозяйка.

Шнайдер посмотрел на нее, пытаясь понять, что же она думает, но на ее сосредоточенном лице ничего было нельзя прочесть. Он сел за стол и стал пить чай, внимательно глядя на фрау Бауэр. Та принялась за вязание белого шарфа для своего бедняжки-сына, мерзнущего в бескрайних русских лесах. Лицо ее было спокойно, как трава на кладбище. Она явно не хотела разговаривать, ее молчание, казалось, могло сокрушить горы.

– Я вижу, – сказал Шнайдер, – что вам хочется остаться одной. Я понимаю вас, все произошло крайне неожиданно. Я оставляю вас сейчас наедине с вашими мыслями, дам вам возможность и время все обдумать в спокойной обстановке, в этом уютном доме, в родных сте-

нах, которые так вас поддерживают. Я хочу, чтобы вы знали – мы с вами можем стать самими счастливыми людьми в мире: подумайте об этой возможности.

– Хорошо, – сказала фрау Бауэр.

Наконец, любовники расстались. Пообещав зайти вечером, Шнайдер отправился на службу (у свехлюдей не бывает выходных).

Чтобы не привлекать излишнего внимания, он зашел в кафе рядом с парком, сел за столик у окна и стал читать "Войну миров". Каждые пятнадцать минут приезжал трамвай из центра, но те, кто из них выходил, были ему совершенно безразличны. Когда приехал безрезультатно уже десятый трамвай, Шнайдер начал беспокоиться. Нетерпеливо поглядывая в окно, он прочитал, как из космического корабля выползают марсиане:

Большая сероватая круглая туша, величиной, пожалуй, с медведя, медленно, с трудом вылезала из цилиндра. Высунувшись на свет, она залоснилась, точно мокрый ремень. Два больших темных глаза пристально смотрели на меня. У чудовища была круглая голова и, если можно так выразиться, лицо.

И тут пришел одиннадцатый трамвай, из которого вышел Зельц. Шнайдер захлопнул книжку и поспешил за ним в сторону парка.

Здравствуйтесь, герр Зельц, я – советский шпион

В парке было тихо. Ни один патруль не заинтересовался дикими криками, ни один случайный прохожий не прибежал проявить арийскую солидарность, ни одна сволочь даже не подумала хотя бы крикнуть: «Эй, кто здесь?!». Это только в фильмах постоянно показывают, что любой ариец готов отдать свободу, а то и жизнь за другого арийца под лозунгом: «Мы своих не бросаем». А на самом деле убили бы здесь лейтенанта Зельца – и всем было бы все равно, никто бы даже не удивился: подумаешь, какой-то лейтенанта прихлопнули. Вот если бы генерала убили – тогда, конечно, вся криминальная полиция бы стояла на ушах. А тут: подумаешь, лейтенант.

– Поднимайтесь, – сказал Шнайдер. – Холодно лежать.

Зельц нашарил вслепую очки, надел их на нос и встал. Перед ним стоял невысокий крепкий мужчина, имевший сильный и решительный вид ночного грабителя. Руки тот спрятал в карманах пальто, видимо, там был пистолет или нож. Зельц быстро взглянул по сторонам: парк был гол и пуст.

– Вы – лейтенант Зельц, – сказал Шнайдер сурово, – живете на Мюллерштрассе 35. Вы из Саксонии, ваши родители недавно переехали в деревню под Дрезденом. Ваша сестра Биргит живет в Швейцарии.

– Откуда вы все знаете? – настороженно спросил Зельц.

– Мне по должности положено, – сказал Шнайдер. – Тут темно, так что удостоверение я вам протягивать не буду. Представлюсь еще раз: я – полковник СС Александр Шнайдер.

– Понятно, – сказал Зельц, судорожно сглотнув.

– У меня для вас письмо от сестры, – незнакомец вынул из кармана помятый конверт.

– Я давно с ней не общаюсь, – Зельц часто замотал головой.

– Я знаю, знаю, – кивнул Шнайдер. – Пойдемте, тут темно, а я хочу, чтобы вы прочитали письмо.

– Куда пойдем? – испуганно спросил Зельц.

– Куда мы можем пойти? – усмехнулся Шнайдер. – В ресторан вас в таком виде не пустят.

Зельц посмотрел на себя: действительно, вид у него был самый жалкий: весь в грязи, шинель продралась, на брюках огромные дыры на коленях, ссадины на руках.

– А куда? – тревожно спросил Зельц.

– К вам, конечно, – сказал Шнайдер. – Пойдемте, а то еще напугаете тут кого-нибудь.

– Но...

– Это приказ! – сказал Шнайдер. – Или вас арестовать?

– Нет, нет, пойдемте.

Они отправились вперед по темной аллее. Полковник Шнайдер уверенными твердыми шагами шел к фонарю в конце парка, устремив холодный взгляд в светлое будущее, рядом с ним, чуть сгорбившись, семенил лейтенант Зельц. Не говоря больше ни слова, они дошли до дома Зельца.

В последний раз Зельц прибирался в квартире два дня назад, с тех пор почему-то успел разбухнуть холостяцкий беспорядок: на полу валялись носки, в раковине стояла кастрюля с присохшими ко дну макаронами, газеты были свалены на обеденном столе, и возникли непонятно откуда еще прочие мелочи, которые бы заставили поморщиться любую домохозяйку.

– Вы извините, я не ждал гостей, – сказал Зельц.

– Дорогой вы мой товарищ, не стоит извиняться... – Шнайдер аккуратно повесил плащ и прошел в комнату. – Я, знаете, сам старый холостяк, меня беспорядком не удивить. Так что расслабьтесь, присядьте, а если еще и чашечку чая мне организуете, я буду вашим самым

преданным другом, – Шнайдер уверенно расположился в любимом кресле Зельца. – А может, у вас и кофе есть?

– Есть, конечно, я сейчас, – быстро кивнул Зельц.

Пока хозяин торопливо хлопотал на кухне, Шнайдер достал из нагрудного кармана кителя записную книжку и быстро набросал план комнаты: два окна, коридор в кухню, темный шкаф из ДСП, диван, два стула, журнальный столик, стеллаж с книгами, этажерка, в которой скопилось разное барахло: вазочка с искусственными цветами, фотографии Зельца на фоне достопримечательностей, пивная кружка, бюстик Гитлера, вышивка, шахматы, расческа, несколько лакированных коробочек, кувшин и прочая дребедень.

"Скучно живет мальчишка", – подумал Шнайдер.

– Сахар у вас тоже есть? – крикнул он.

– Есть немножко, – ответил Зельц.

– Тогда мне одну ложку насыпьте, будьте добры.

Пришел хозяин с подносом, на котором стояла фарфоровая чашка кофе и стакан воды.

"Ему бы розовый чепчик – и с него можно было бы писать «Шоколадницу», – усмехнулся про себя Шнайдер.

– Пепельницы у вас не найдется? – спросил он.

– Нет, я же не курю, – застенчиво сказал Зельц.

– Принесите тогда какую-нибудь банку из-под консервов, буду туда стряхивать пепел.

– Да, сейчас, – Зельц сбегал на кухню и принес банку из-под тушенки.

Шнайдер закурил, глубоко затянулся и выпустил с блаженным видом длинную струю дыма.

– Как хорошо, – сказал он. – Вот сюда присядьте, пожалуйста, – Шнайдер показал на кресло рядом с собой. – Шнайдер затянулся еще раз и зажмурил глаза от удовольствия. – Ох, как хорошо, – сказал он.

Зельц смущенно улыбнулся. Шнайдер довольно подмигнул ему и сказал:

– Знаете, я с вами расслабляюсь. У меня ужасно нервная работа, я каждый день занят, иногда даже поспать толком нельзя, а тут как-то мило. У меня лет двадцать назад такая же комната была, только не здесь, а в Мюнхене, на Глокенштрассе. Прямо молодость вспоминаю, честное слово. Сколько вам лет?

– Двадцать четыре.

– Ну, тогда у вас еще все впереди, – кивнул Шнайдер. – Будете у меня в гостях – посмотрите, что вас ждет лет через двадцать. Квартира у меня, честно сказать, немножко побольше, – заметил Шнайдер самодовольно, так что было понятно, что его квартира, как минимум, раз в пять, а то и в десять больше, чем у Зельца. – Впрочем, об этом позже поговорим. Вот письмо от вашей сестры, читайте, – добавил он.

Зельц, нервничая, разорвал конверт, достал два сероватых листка и стал читать. Шнайдер наслаждался сигаретой, попивая кофе.

«Однако, неплохо снабжают рейхсканцелярию, – подумал Шнайдер, – простым смертным кофе дают только под Новый Год. И вкус тот же самый, что и у моего кофе. Похоже, пайки для СС и для канцелярии собирают в одном и том же месте».

– Сестра пишет, что вы расскажете мне о каком-то деле, – прервал его размышления Зельц.

– Да, это правда, – Шнайдер, не торопясь, допил кофе, поставил чашку на столик и сказал после небольшой паузы: – Я хотел бы предложить вам сотрудничество с разведкой Советского Союза.

Зельц ошеломленно уставился на него.

– Что вы так смотрите? – улыбнулся Шнайдер. – Да, я – советский шпион.

Зельцу стало страшно, он почувствовал, что в ушах его вдруг что-то зазвенело.

– Только не надо так бояться, – попросил Шнайдер. – Вы, конечно, можете побежать, заорать, сдать меня гестапо. Получите благодарность или даже медаль дадут. Только вы же понимаете – Третьему рейху осталось недолго. Советский Союз наступает, а не сегодня-завтра еще и союзники откроют второй фронт, так что через несколько месяцев вам эту медальку придется спрятать как можно дальше. И самому придется спрятаться, чтобы мои товарищи вас не нашли. А они искать умеют очень хорошо, вы знаете. Про Троцкого слышали что-нибудь?

– Про кого? – удивился Зельц.

– Ладно, неважно. В общем, вы меня поняли, я надеюсь.

Зельц молчал, глаза его метались между окном, дверью и ночным гостем.

– Ну что вы так зыркаете на дверь, в самом деле? – сказал Шнайдер. – Я же не бью вас, не кричу, не угрожаю оружием. Что вы так переполошились-то? Хотите сигарету?

– Я не курю, – сказал Зельц.

– Да ладно, чего там, – покровительственно усмехнулся Шнайдер. – По такому поводу можно, я решаю.

Зельц взял у него сигарету и нерешительно закурил; голова сразу затянулась туманом.

– Ушла паника? – спросил участливо Шнайдер.

– Вроде бы, – сказал Зельц.

– Хорошо, тогда я продолжу, – Шнайдер спрятал сигареты в карман. – На самом деле, это хорошо, что вы можете бояться. Это значит, что у вас хорошее воображение, а это, в свою очередь, признак ума. Большинство героев ведь, между нами, просто люди недалекие, они просто не представляют, что их может ждать на самом деле. А вот понимать, представлять, что может с тобой случиться в худшем случае, и все равно совершить подвиг – вот это, действительно, героизм, – сказал многозначительно Шнайдер и добавил: – Но таких людей мало.

– А что может случиться в худшем случае? – спросил Зельц.

– Подумайте, – предложил Шнайдер, – вы же умный человек.

Зельц вдруг представил, как его арестовывают два огромных солдата из гестапо, как волокут, избитого, в коридор, сбрасывают с лестницы в подвал, там снова волокут по бетонному полу в кабинет без окон. Вот его лупят сапогами и прикладами по всему телу, с потолка мертво светит белая лампа. Пыточный стул, иголки под ногти, провод на шее, двести двадцать вольт по всему телу, выбитые зубы, кровавая каша во рту, пуля в затылок как избавление.

– Представили? – спросил Шнайдер.

– Да уж, – поежился Зельц.

– Я же говорю: вы умный человек, мы с вами сработаемся.

– А когда вы говорили про настоящих героев, это вы себя имели в виду? – спросил Зельц.

– Неважно, я не про это хотел сказать, – отмахнулся Шнайдер. – Герр Зельц, вы же сами понимаете, эта война бессмысленна! Вы совесть свою послушайте! Не вот эту пропаганду вонючую, которую вам каждый день на политинформации вбивают, а просто подумайте! Вы же умный, интеллигентный молодой человек. Вон сколько книжек прочитали, значит, любите думать, правда? Вы же знаете, что гибнут миллионами ни за что, за...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.